

И. И. Ковяко

Белорусский государственный университет, Минск

I. I. Kaviaka

Belarusian State University, Minsk

УДК [94(430):338.245]:303.446.4

**ПРОЕКТ ЕДИНОЙ ГЕРМАНИИ
В СОВЕТСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ
ПЛАНИРОВАНИИ 1945–1990 ГГ.:
АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА
PROJECT OF UNITED GERMANY IN THE SOVIET
FOREIGN POLICY PLANNING, 1945–1990:
ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE**

В статье представлены основные результаты анализа англо-американской историографии, посвященной послевоенной политике СССР по вопросу германского единства. Установлены основные тематические поля, в рамках которых проводились заявленные исследования. Определены различия в подходах консервативных и либеральных авторов. Сделан вывод о том, что исследование проблематики в Великобритании и США сохраняло высокую актуальность на протяжении всего послевоенного периода, поскольку оказалось сопряжено с практическими задачами внешней политики данных государств в Европе.

Ключевые слова: англо-американская историография; единая Германия; советское внешнеполитическое планирование; холодная война; германский вопрос.

The article presents the main results of the analysis of Anglo-American historiography devoted to the post-war policy of the USSR on the issue of German unity. The main thematic fields within which the declared research was carried out established. Differences in the approaches of conservative and liberal authors determined. It is concluded that the study of this issue in the UK and the US remained highly relevant throughout the entire post-war period, since it turned out to be associated with the practical tasks of the foreign policy of those states in Europe.

Key words: anglo-american historiography; united Germany; Soviet foreign policy planning; cold war; German question.

В первой половине XX в. Российская империя, а затем и СССР дважды оказывались вовлеченными в вооруженное противостояние с Германией. Особенно травмирующим оказался опыт Второй мировой войны, ведь нападение Германии на СССР произошло во многом неожиданно и вопреки логике советско-германского сотрудничества предшествовавших десятилетий. В годы войны СССР понес колоссальные потери и существенно пересмыслил внешнеполитическое планирование в отношении противника. На заключительном этапе войны очевидной представлялась потребность в обеспечении национальной безопасности и предотвращении возможной немецкой агрессии в будущем. В связи с этим особую актуальность приобретал вопрос демилитаризации Германии и закрепления ее нейтрального статуса.

Следует отметить, что в послевоенные годы аналогичные цели преследовала американская оккупационная администрация в Японии. Рассматривая Японию как главную угрозу интересам США в Тихоокеанском регионе, Вашингтон отказался выделить союзникам зоны оккупации и принял на себя все функции послевоенного переустройства. Германия, однако, оказалась разделена на четыре зоны, и решение ее дальнейшей судьбы зависело от согласования интересов великих держав. На фоне нарастающих противоречий привести позиции всех участников к общему знаменателю было все сложнее, а к концу 1940-х гг. и вовсе стало невозможным.

В англо-американской историографии традиционно уделялось особое внимание советскому внешнеполитическому планированию. Исследователи спорили о мотивах и целях германской политики СССР, о соотношении в ней продуманного плана и ситуативной импровизации. Особый интерес представляет анализ политики СССР в отношении германского единства. Изучение данной темы являлось актуальной научной и социально-политической задачей зарубежных исследователей. Инициативы стран Запада, направленные на закрепление германского раскола и провозглашение ФРГ, нуждались в дополнительном обосновании на фоне объединительных проектов СССР. В связи с этим перед британскими и американскими авторами появлялась непростая задача: объяснить читателю (в том числе немецкому), почему две Германии лучше одной. С другой стороны, представлялось необходимым объяснить причины советского интереса к сохранению германского единства.

В данной статье предпринята попытка проанализировать проект германского единства во внешней политике СССР, предложенный британскими и американскими исследователями. Комплексных исследований по заявленной проблематике обнаружено не было. Как правило, изучение вопроса в англо-американской историографии происходило в контексте более широких тематических полей. Впервые мы встречаемся с анализом подобного проекта внешнеполитического планирования СССР в рамках вопроса об ответственности великих держав за раскол Германии. Проблема ответственности являлась важной и актуальной для британских и американских ученых. После создания ФРГ и привлечения молодого государства к участию в западных интеграционных структурах, представлялось необходимым объяснить причины раскола. При этом значительное внимание уделялось роли СССР и его позиции по вопросу германского единства. Следует отметить, что несмотря на существование различных подходов и оценок, большинство авторов так или иначе подтверждали стремление СССР к сохранению единой Германии после Второй мировой войны. Консервативные исследователи усматривали в этом далеко идущие планы Москвы по распространению своего влияния не только на Германию, но и Западную Европу. С этой точки зрения, жесткие репарационные мероприятия в советской зоне оккупации, а также блокада Берлина рассматривались как элементы стратегиче-

ского планирования Кремля. Их главной целью называлась дестабилизация ситуации в Германии, формирование предпосылок социалистической революции и/или прихода к власти левых сил, лояльных СССР. Таким образом, германская политика советского государства в первые послевоенные годы рассматривалась как пролог к созданию единой «красной» Германии, а затем, возможно, и Европы. В такой ситуации раскол Германии представлялся вынужденной мерой, на которую страны Запада решились под давлением советского курса [1, с. 286; 2, с. 426; 3, с. 119; 4, с. 391].

Либеральные авторы уделяли гораздо больше внимания анализу тяжелого послевоенного положения СССР и его потребностям в сфере безопасности. С этой точки зрения формирование единой Германии также рассматривалось как важная цель советской послевоенной политики. Однако анализ ее потенциальной опасности для стран Запада не получил распространения среди либералов. Основное внимание оказалось сосредоточено на изучении интересов и потребностей послевоенного СССР, что позволило сдержанно (и по сравнению с консерваторами лояльно) оценивать репарационную политику Москвы и блокаду Берлина 1948–1949 гг. Создание единой Германии зачастую рассматривалось авторами как естественное стремление советского государства обезопасить собственные границы и установить максимальный контроль над вчерашним противником. Основная ответственность за раскол Германии возлагалась на западных союзников [5, с. 13; 6, с. 238; 7, с. 589; 8, с. 31].

Таким образом, если консерваторы приписывали германской политике СССР наступательную природу, то либералы скорее рассматривали ее как оборонительную, направленную, в первую очередь, на защиту национальных интересов. Вместе с тем представители различных направлений, как правило, сходились в том, что в послевоенные годы Советский Союз оставался крайне заинтересованным в сохранении германского единства.

Второе тематическое направление охватывает анализ советских инициатив начала 1950-х гг. и одновременной подготовки к подписанию Парижских соглашений. Анализируя международное положение СССР в начале 1950-х гг., британские и американские исследователи отмечают актуализацию вопроса о создании единой Германии. Корейская война значительно осложнила отношения советского государства со странами Запада, в том числе в торгово-экономической сфере. Одновременно создание ФРГ, а также постепенный курс на ее перевооружение и интеграцию в НАТО предполагал ответное наращивание военных расходов СССР и укрепление обороноспособности ГДР. В такой непростой ситуации перезагрузка четырехсторонних отношений по германскому вопросу представлялась важной и актуальной задачей советской дипломатии.

Серия советских нот начала 1950-х гг., в которых предлагался проект создания единой нейтральной Германии, подверглась тщательному анализу в англо-американской историографии. В академической среде шла дискус-

сия о мотивах германской политики СССР и возможных перспективах реализации советских инициатив. Консервативные авторы, преимущественно американские, были склонны рассматривать предложения Москвы исключительно как провокацию, направленную на срыв ремилитаризации ФРГ и ее присоединения к НАТО. Создание единой нейтральной Германии рассматривалось как нежелательное и крайне рискованное мероприятие, которое в конечном итоге могло лишь усилить советское влияние в Европе [9, с. 138; 10, с. 93]. Вызывала опасения перспектива возвращения нейтральной Германии к политике лавирования между Востоком и Западом в преследовании собственных национальных интересов [11, с. 27; 12, с. 171]. В условиях холодной войны это представляло немалую угрозу и могло спровоцировать конфликт сверхдержав. Распространенным являлось суждение об изначальной несерьезности советских нот – этим объяснялось недостаточное внимание к ним со стороны стран Запада [13, с. 25; 14, с. 243; 15, с. 280–281]. Авторы отмечали и фактор усталости западных союзников от бесплодных переговоров предыдущих лет, которые так и не привели четверку держав к взаимовыгодному компромиссу [11, с. 113].

Другая группа исследователей была склонна рассматривать советскую нотную дипломатию начала 1950-х гг. как реальную (и упущенную) возможность решения германского вопроса. Либеральные авторы критиковали руководство западных стран за невнимательное отношение к предложениям Москвы и отход от внешнеполитического курса Ф. Д. Рузвельта. С точки зрения авторов, заинтересованность СССР в создании единой нейтральной Германии была искренней и обоснованной, что подтверждает согласие Кремля на проведение свободных общегерманских выборов. Исследователи отмечали, что И. В. Сталин никогда не был заинтересован в германском расколе, следовательно, его предложения по созданию единой нейтральной Германии представлялись логичными и последовательными [16, с. 254; 17, р. 42; 18, с. 270]. Однако стратегическое планирование западных союзников к тому времени уже располагало совершенно иными ориентирами: приоритетами европейской политики стали интеграция экономического и военного потенциала ФРГ в структуры Запада. В такой ситуации ответные ноты западных стран рассматривались авторами как имитация переговоров с целью затягивания времени до подписания Парижских соглашений, определивших дальнейшую судьбу ФРГ и ее членство в НАТО [6, с. 261; 19, с. 16; 20, с. 105].

Несмотря на различия в оценках советских инициатив начала 1950-х гг., которые демонстрирует англо-американская историография, представляется очевидным интерес зарубежных авторов к вопросу германского единства. Представители различных направлений и взглядов сходятся во мнении, что создание единой нейтральной Германии являлось предпочтительным решением проблемы для СССР. Это позволяло укрепить национальную безопасность западных рубежей, создать своеобразный буфер

между капиталистическими и социалистическими странами в Европе. В стратегическом отношении в объединенной Германии сохранялась вероятность прихода к власти левых сил и ее возможное сближение с Москвой. Именно эта перспектива больше всего настораживала руководство стран Запада. Впоследствии это обстоятельство активно использовалось британскими и американскими авторами при объяснении отказа от советских предложений.

Третья группа работ, в которых затрагивается вопрос германского единства во внешнеполитическом планировании СССР, сосредоточена на феномене ГДР в первой половине 1950-х гг. В англо-американской историографии за ГДР закрепился образ «нелюбимого ребенка» И. В. Сталина. Авторы отмечали изначальное нежелание советского руководства производить раздел Германии. Стратегической целью Москвы в Европе называлось сохранение единой Германии, которая не представляла бы угрозы СССР. В такой ситуации курс западных союзников на образование ФРГ был воспринят как серьезный вызов советскому внешнеполитическому планированию. Авторы приходят к выводу, что создание ГДР никогда не являлось намеренной целью политики СССР, а стало ответным и вынужденным шагом в ответ на действия стран Запада [9, с. 138; 21, с. 32; 22, с. 149].

Восточная Германия вплоть до середины 1950-х гг. имела все шансы исчезнуть с политической карты Европы. Именно в это время активно развивалась нотная дипломатия Москвы. Даже после вынужденного образования восточногерманского государства СССР не отказалась от своей стратегической цели – создания единой Германии. Ввиду приоритетности германского единства для И. В. Сталина (и формально схожей позиции Л. П. Бери) вся дальнейшая судьба ГДР представлялась исследователям крайне неопределенной. Изучая данный феномен, они пришли к заключению, что политика СССР в отношении германского единства стала трансформироваться только в конце 1954 г. после принятия решения о ремилитаризации ФРГ и ее включении в НАТО. Парижские соглашения ознаменовали крах надежд советского руководства на германское единство и одновременно предоставили прочные гарантии дальнейшего существования ГДР [23, с. 70; 24, с. 167; 25, с. 25; 26, с. 96].

Заключительное тематическое поле, связанное с проблемой германского единства во внешней политике СССР, охватывает события 1989–1990 гг. Зарубежные авторы отмечали, что объединение Германии произошло во многом (а возможно и только) благодаря позиции СССР во время восточногерманского кризиса. Анализируя предпосылки и причины исчезновения ГДР, они отмечали влияние экономических и финансовых факторов (перестройка всей мировой экономической системы и увеличение зависимости ГДР от ФРГ), принимали во внимание нарастание противоречий внутри правящей элиты, а также усиление оппозиционных настроений в обществе. Однако большинство исследователей пришли к схожим выводам: объединение Гер-

мании в том виде, в котором оно произошло, было бы невозможно при более жесткой позиции советского государства [27, с. 157; 28, с. 98; 29, с. 216].

Уступчивость СССР по ряду вопросов (включая фактическое согласие на членство объединенной Германии в НАТО) оказалась приятной неожиданностью для политического руководства стран Запада и подверглась пристальному анализу в академической среде. По мнению ряда исследователей, к 1990 г. ГДР сохраняла достаточно высокую жизнеспособность. В таких условиях существовали высокие шансы на сохранение восточногерманского государства в качестве суверенного субъекта международных отношений (возможно, в формате германской конфедерации). Однако экономическая слабость СССР, нежелание М. С. Горбачева осложнять отношения с партнерами и надежды на получение масштабной помощи Запада обусловили слабость советской позиции по германскому вопросу [29, с. 282; 30, с. 428–434; 31, с. 193]. На рубеже 1980–1990-х гг. СССР не смог отстоять свои стратегические интересы в Европе. Проект единства, предложенный Западом, оказался далеким от послевоенных целей Советского Союза. Единая Германия была создана, однако советской дипломатии так и не удалось закрепить ключевое условие единства – нейтральный статус новообразованного государства.

Англо-американская историография послевоенных лет уделяла значительное внимание проекту германского единства в советском внешнеполитическом планировании. Это было обусловлено стратегическими интересами и практическими задачами США и Великобритании в Европе, которые дополнялись осознанием чувствительности немцев к вопросу единства, а также опасениями по поводу роста советского влияния. Изучение заявленной проблемы проводилось в рамках конкретных тематических полей: вопроса ответственности великих держав за раскол Германии; нотной дипломатии СССР начала 1950-х гг.; феномена ГДР; кризисных событий 1989–1990 гг. и объединения Германии. Несмотря на различие подходов и оценок, предложенных британскими и американскими исследователями, большинство авторов пришли к схожим выводам: проект единой нейтральной Германии рассматривался как генеральная цель советского внешнеполитического планирования, которая была обусловлена интересами безопасности СССР в Европе. В первое послевоенное десятилетие, несмотря на целенаправленные усилия советской стороны, данная цель так и не была достигнута. Стремительное объединение Германии на условиях Запада, последовавшее в 1990 г., рассматривается как стратегическое поражение СССР, которого, по мнению отдельных авторов, можно было бы избежать.

Список использованных источников

1. *Botting, D.* From the ruins of the Reich. Germany 1945–1949 / D. Botting. – New York: Crown Publishers, 1985. – 341 p.
2. *Dulles, A. W.* Alternatives for Germany / A. W. Dulles // Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25. – №3. – P. 421–432.

3. *Slusser, R.* Soviet policy and the division of Germany, 1941–1945 / R. M. Slusser // *The impact of World War II on the Soviet Union* / ed. by S.J. Linz. – Irvine: Rowman&Allanheld, 1985. – P. 107–125.
4. *Strang, L. W.* Germany between East and West / L. W. Strang // *Foreign Affairs*. – 1955. – Vol. 33. – №3. – P. 387–401.
5. *Childs, D.* The GDR: Moscow's German ally / D. Childs. – London: Allen&Unwinn, 1983. – 346 p.
6. *Fulbrook, M.* A history of Germany, 1918–2008. The divided nation / M. Fulbrook. – Oxford: Willey-Blackwell, 2009. – 737 p.
7. *Mosely, P.* The occupation of Germany. New light on how the zones were drawn / P. Mosely // *Foreign Affairs*. – 1950. – Vol. 28. – № 4. – P. 580–604.
8. *Turner, H. A.* Germany from partition to unification / H. A. Turner Jr. – New Haven and London: Yale University Press, 1992. – 269 p.
9. *Pritchard, G.* The making of the GDR, 1945–53. From antifascism to Stalinism / G. Pritchard. – Manchester: Manchester University, 2000. – 244 p.
10. *Cohen, E.* Soviet foreign policy and West Germany / E. Cohen // *Social Science*. – 1957. – Vol. 32. – № 2. – P. 90–95.
11. *Richardson, J. L.* Germany and the Atlantic Alliance: The interaction of strategy and politics / J. L. Richardson. – Cambridge (Mass.): Harvard University, 1966. – 403 p.
12. *James, H.* A German identity / H. James. – New York: Routledge, 1989. – 240 p.
13. *Banchoff, T.* The German problem transformed: institutions, politics and foreign policy, 1945–1995 / T. Banchoff. – Michigan: The University of Michigan, 1999. – 230 p.
14. *Judt, T.* Postwar. A history of Europe since 1945 / T. Judt. – New York: Penguin Press, 2005. – 967 p.
15. *Tucker, R. C.* The cold war in Stalin's time: What the new sources reveal / R. C. Tucker // *Diplomatic History*. – 1997. – Vol. 21. – № 2. – P. 273–281.
16. *Bitzer, R.* Soviet policy on German reunification in 1952 / R. Bitzer // *World Affairs*. – 1969. – Vol. 132. – № 3. – P. 245–256.
17. *Naimark, N.* Stalin and Europe in the postwar period, 1945–1953 issues and problems / N. Naimark // *Journal of Modern European History*. – 2004. – Vol. 2. – № 1. – P. 28–57.
18. *Warburg, J.* Germany: key to peace / J. Warburg. – Cambridge, Mass.: Harvard University, 1953. – 344 p.
19. *Hughes, G.* Britain, Germany and the cold war. The search for European détente, 1949–1967 / G. Hughes. – London; New York: Routledge, 2007. – 253 p.
20. *Mawby, S.* Containing Germany. Britain and the arming of Federal Republic / S. Mawby. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1999. – 244 p.
21. *Roberts, G.* The Ostpolitik and relations between the two Germanies / G. Roberts // *The Ostpolitik and political change in Germany* / ed. by R. Tilford. – Westmead: Saxon House, 1975. – P. 77–93.
22. *McCauley, M.* The German Democratic Republic and the Soviet Union / M. McCauley // *Honecker's Germany* / ed. by D. Childs. – London: Allen&Unwinn, 1985. – P. 147–165.
23. *Steele, J.* Inside East Germany: the state that came in from the cold / J. Steele. – New York: Urizen, 1977. – 256 p.
24. *Nettl, J. P.* A decade of post-war Germany / P. J. Nettl // *Political Quarterly*. – 1956. – Vol. 27. – № 2. – P. 162–175.
25. *Morgan, R.* 54: West Germany's foreign policy agenda / R. Morgan // *The Washington papers*. – Vol. VI. – London: Sage, 1978. – 79 p.
26. *Hanrieder, W. F.* German-American relations in the postwar decades / W. F. Hanrieder // *America and the Germans. An assessment of a three-hundred-year history* / ed. by F. Tommler and J. McVeigh. Vol. 2: The relationship in the twentieth century. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1985. – P. 91–116.

27. *Grieder, P.* “To learn from the Soviet Union how to win”: The East German revolution 1989–90 / P. Grieder // *Revolution and resistance in Eastern Europe* / ed. by K. McDermott, M. Stibbe. – Oxford: Berg, 2006. – P. 157–179.

28. *Roberts, G.* The Soviet Union in world politics. Coexistence, revolution and cold war, 1945–1991 / G. Roberts. – London; New York: Routledge, 1999. – 125 p.

29. *Newnham, R.* The price of German unity / R. Newnham // *German Studies Review*. – 1999. – Vol. 22. – № 3. – P. 421–446.

30. *Maier, C.* Dissolution: the crisis of communism and the end of East Germany / C. Maier. – Princeton: Princeton University, 1997. – 440 p.

31. *Sarotte, M.* 1989: The struggle to create post-cold war Europe / M. Sarotte. – Princeton: Princeton University Press, 2009. – 349 p.

(Дата подачи: 14.02.2023 г.)

A. A. Козлов

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Витебск

A. Kozlov

Vitebsk State P.M. Masherov University, Vitebsk

УДК 94(476) «1991/2018»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ЦЕНЗУРЫ БССР И РСФСР В БЕЛОРУССКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ACTIVITIES OF LOCAL CENSORSHIP BODIES IN BELARUSIAN AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

В представленной статье рассматривается белорусская и российская историография деятельности цензуры в БССР и РСФСР. В ней сделан обзор отдельных публикаций авторов, посвященных данной проблематике. Показан уровень развития исследований в Республике Беларусь в области изучения деятельности Главлита БССР и его местных органов. Опубликованные исследования затрагивают работу самого Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати. Деятельность его местных органов (обллитов) изучена значительно слабее. На основе собранной информации делается вывод, о необходимости проведения комплексных исследований истории региональной цензуры в БССР.

Ключевые слова: белорусская историография; цензура; Главлит БССР; обллиты; белорусские исследователи.

The article discusses the Belarusian and Russian historiography of censorship in the BSSR and RSFSR. It provides an overview of individual publications of the authors devoted to this issue. The level of development of research in the Republic of Belarus in the field of studying the activities of the Glavlit of the BSSR and its local authorities is shown. The published studies affect the work of the Main Directorate for the Protection of Military and State Secrets in the press. The activities of its local authorities (obllits) have been studied much less. Based on the